

Елена Аушева

Елена Аушева родилась в 1976 г. в посёлке Керос Гаинского района Пермской области. Живёт в Ханты-Мансийске. Окончила филологический факультет Алматинского государственного университета (1997).

Руководитель детской литературной студии «Чистый лист». Руководитель Совета молодых литераторов Югры.

Выпускница Литературных курсов 2021 г., 2022 г.

Пишет стихи и прозу. Автор книги «Лурик – лунный кот. Эра полной луны» (2020), сборника стихотворений «Небо в квадрате» (2021). Публиковалась в журналах и альманахах «Наш современник», «Врата Сибири», «Эринтур», «Новый Орёл», «День и ночь», «ЛиФТ». Редактор сборников детской прозы «Портал волшебных историй» и «Наши голоса».

Победитель литературных конкурсов: «Рождественская звезда» в номинации «Поэзия» (Ханты-Мансийск, 2020), «Югра. Это моя земля» (Ханты-Мансийск, 2020); лауреат Областного литературного конкурса «Литера Артель» (Челябинск, 2022), финалист конкурса «Пристальное прочтение поэзии» (журнал «Просодия», 2022).

Участница второй сессии Уральской писательской резиденции АСПИР (2022).

Член Союза писателей России.

Рецензия

на роман Александра Гриневского «Кыш, пернатые!»

Первая мысль, которая возникает после прочтения романа Александра Гриневского «Кыш, пернатые!»: как можно охарактеризовать это необычное произведение? Сам автор – враг классификаций и жанровых определений. Гриневский считает, что любая книга либо вызывает интерес у читателя, либо нет, а навешивание ярлыков не сделает роман ярче и понятнее. Но в конечном счете цель любого писателя – зацепить читателя, бороться за его внимание, так что Александр Гриневский, на мой взгляд, немного лукавит. Говоря о книге как о не вписывающейся в имеющиеся каноны, он тем самым выделяет ее из ряда других. И, конечно, автор прекрасно знает, что, выводя роман за круговую ложу жанровых условностей, он получает нечто поистине уникальное или, наоборот, совершенно вторичное, эклектичное, как пестрое лоскутное одеяло из обрывков сюжетных линий и идей.

Попробуем понять: так ли оригинален и нов роман «Кыш, пернатые!»? А если и уникален, то чем? Попытаемся разобраться в загадках, которые щедро рассыпал на страницах книги писатель, погрузимся в повествование как можно глубже, вернее, взлетим выше, если следовать логике и лексике произведения.

Человек. Полет. Небо.

Триединство противоположностей, вечное, как сама жизнь. Кто был первым из смертных, рискнувших устремиться в небесную бездну, преодолевших земное людское предназначение? Икар и Дедал? Одного из них ждало немедленное воздаяние за дерзость, неотвратимая и неминуемая смерть. В литературе достаточно найдется крылатых существ в обликах людском, а также демоническом и ангельском, но всех объединяет одно: крылья даны им как дополнительная возможность к привычному существованию.

Герои Гриневского наделены крыльями, но лишены рук. Подобная героиня – крылатая, но безрукая – описана нидерландской писательницей Йокеван Леувен в метафорической сказке «Пип!». Но, кроме внешнего сходства героев, ничего общего в этих произведениях мы не найдем. Девочка-птичка Птишка прекрасно существует, несмотря на уникальную физиологию, дарит приемным родителям любовь и внутренний полет и, сделав их духовно богаче, выполнив миссию, покидает их. «Пернатые» же Гриневского, открыто называющие себя инвалидами, уезжают в поисках земли обетованной – Монголии – из-за невозможности находиться более со своими родными: истощено их терпение, они измучены физически. Крылья – это дар, который оборачивается проклятием. Подобный сюжет о проклятых дарах широко распространен в мировой литературе: он встречается в фольклоре («Подарки феи», «Спящая красавица»), в «Фаусте» И. Гете, в «Портрете Дориана Грея» О. Уайльда. Однако герои романа «Кыш, пернатые!» ничего не просили, сделок не совершали, желаний не загадывали. За что им это? И зачем?

Крылатость – безумный дар или тяжкий крест?

С одной стороны, крылья дарят людям новые возможности, а с другой, по меркам общества, да и по собственным ощущениям, – это инвалидность и неспособность жить не только в человеческом мире, но и в дикой природе. Персонажи, которые остались со своими родными, стали им обузой. Те, что решили жить «на воле», являются пародией на животный мир, а не его частью. Существовать в качестве подопытных кроликов герои не согласны, да и наука бессильна что-либо прояснить.

БЕССИЛИЕ.

Вот, пожалуй, ключевое слово, определяющее нерв этого романа. Уныло-тоскливое состояние

обреченности передается от персонажей читателям и закрепляется авторитетным мнением автора (о роли его в этом романе поговорим чуть позже).

У «пернатых» нет силы духа, нет силы веры, нет настоящей любви и дружбы, и по мере того, как крылья дарят крепнущую силу физическую, внутренний стержень людей-птиц подтачивают сомнения, уныние и бесцельность существования.

За что они обречены ощущать на себе последствия «подарка», исковеркавшего им жизнь? Это только один из множества вопросов, которыми плотно начинен роман. Автор не дает ответа читателю, предлагает ему самостоятельно потрудиться над той или иной версией.

И многочисленные аллюзии к знакомым сюжетам и образам, и открытые вопросы, давно ставшие риторическими, дают мне основание предположить, что перед нами особый жанр, который я достаточно вольно назвала романом-оксюмороном. Оксюморон выступает в произведении не в качестве стилистического средства, а как основа композиции и проблематики. Здесь постоянно сталкиваются противоположные понятия и наши представления о мире, тем самым рождая новые смыслы, которые раскрываются с каждой последующей сценой. Пояснять, что здесь происходит, а тем более отвечать на вопросы – значит разрушить понимание происходящего – настолько неумовимого, что его не всегда можно облечь в слова.

Так что же представляет собой роман-оксюморон? Это перелицованное пальто старого мира, выпотрошенное сознание современного человека без внутреннего стержня, без убеждений и стремлений, без настоящих чувств и мечтаний.

Александр Гриневский соединяет несоединимое, разрушая укоренившееся восприятие жизни. Читаем эпиграф:

«Нас бьют, мы летаем
От боли все выше».

Пара строк привычно пробуждает в памяти музыку популярной песни, но звука мы не слышим, а... видим буквы граффити в Ростokino. После обмана органов чувств начинаешь ощущать легкую дезориентацию во времени и пространстве, и это только начало.

Внезапное преображение героев заставляет вспомнить еще одно произведение – «Превращение» Ф. Кафки. Автор, впрочем, всячески отказывается проводить какие бы то ни было параллели между двумя произведениями. «Превращение» представляет собой сплав реальности и сюрреалистичности, фантастики. Роман же Гриневского реалистичен, несмотря на фантастическое допущение. Подробное описание многих физиологических процессов делает материю произведения жесткой и грубо-вещественной, той же цели служит и обсценная лексика, тем самым подчеркивается духовная пустота, внутренний вакуум персонажей романа.

К ним трудно проникнуться симпатией. Одним не примечательны, как Валя, скучный таксист. Другие, хотя и обладают харизмой, способностью притягивать к себе людей, при более близком знакомстве оказываются обыкновенными подлецами: Ванька готов увести жену у приятеля на третий день знакомства; Валерий Палыч, придумав правдоподобную теорию про сказочную жизнь в бескрайних степях Монголии, использует товарищей по несчастью для обогащения.

Мужчины кризиса среднего возраста, ставшие пернатыми, не перестают испытывать этот кризис и после превращения, наоборот, он только усиливается: к внутренней пустоте прибавляется еще «усовершенствованная» конструкция собственного тела, неприспособленная к самостоятельной жизни.

«В птицу, например. Все-таки полет, и все такое... Вот как это – летать, как птица?» – говорит бомжу в сандалиях Валя, и нет в его словах ни твердости, ни искреннего желания познания нового, ни горячего «отчего люди не летают, как птицы».

Александр Гриневский выбивает почву из-под ног читателя: стоит только опереться на нечто незыблемое, как оно тут же разрушается, фокус внимания смещается.

Крылья – это красота, свобода и мечта. Но нет, на деле они становятся причиной затворничества, непонимания собственных желаний, смертью стремлений. Герои или сидят по квартирам, или прячутся в подмосковном лесу, или живут в глухой деревне Брянской области, а кто и в специализированном учреждении по изучению «аномалии».

Дружба товарищей по несчастью тоже не складывается: один из «пернатых» предает других, Ваня бросает знакомых ради любви, Валерий Палыч хладнокровно доводит свой план до конца и призывает бесплатную крылатую рабочую силу в горы Алтая.

Оксюморонами оказывается и любовь. Крылья и высота чувств, увы, тоже несовместимы. Ваньку прогоняет жена, отобрав у него при этом квартиру, новая жена Настя утомлена физической работой в деревенской глуши, и вот уже высокое чувство зовется просто «любовным мороком». Оля, последовавшая на край света за раем в юрте с любимым, вскоре чувствует себя опустошенной, превращается из юной девушки в женщину средних лет в безразмерном ватнике.

Женские образы, как и мужские, не вызывают симпатии и сочувствия. Автор не отводит им роль самостоятельных личностей: они находятся при пернатых, теряя свою индивидуальность и становясь из женщин бабами без возраста и цели в жизни. Можно посочувствовать той же Оле, но ведь и в ее искренность не веришь. Вспомнить хотя бы, как она определяла, что Олег ей ближе, чем Валерий Палыч: «Она примеряла его к себе, как меряют одежду перед покупкой в магазине.

Вот Олечка – легкий, молодой, веселый, понятный до прозрачности, как платье летнее, по ветру развевающееся. Кружиться, танцевать, смеяться».

Отдельной личностью в книге возвышается Автор. Он старается не афишировать свое присутствие, но его черты проступают в героях романа: в загадочном бомже, проводящем невероятный эксперимент, в сотрудниках органов, решивших избавиться от неизвестно откуда взявшихся пернатых. Особенно показательна сцена появления Валерия Пальча на кубинском пляже. В кратком разговоре с молодежью, в чувстве превосходства и мастерстве владения кайтом тоже заметна фигура автора, его отношение к молодым людям, полным энергии, но не имеющим определенного жизненного опыта: «...и взял и поехал! Да так, что порушилось восторженное настроение от собственных свершений. Опять... опять пришел взрослый и показал, как надо. Показал, что они пока ни на что не пригодны». Такое сращение героев и автора

необычно, заставляет постоянно менять угол зрения на происходящие события и снова оказываться в неустойчивом шатком мире.

Какой же выход оставляет читателю писатель?

Готового ответа нет, каждому нужно достичь своей Монголии, чтобы обрести новое знание и понимание этого мира. А крылья, данные Гриневским своим героям, никого не приближают к цели и мечте, потому что мечты и цели нет, и небо, лишённое божественного, становится большой синей пустыней, где теряются две фигуры крылатых людей – мужская и женская. Да и что такое Монголия, реальная ли она или это придуманный Валентином рай в том объеме и образе, который он себе представил и который заслужил?

За этими вопросами скрывается напряженное молчание автора и слышится скрип подошв, а мы замираем в ожидании: к кому из нас по заснеженным просторам России бредет бомж в сандалиях на босу ногу?

Рецензия

на книгу Владимира Квашнина «Коготь Манараги»

Писатель и поэт Владимир Александрович Квашнин вошёл в мир литературы уверенно и смело, миновав ученический период, характерный для начинающих авторов.

В сборнике рассказов «Коготь Манараги» слышится голос зрелого, состоявшегося автора, прослеживается чёткий, узнаваемый почерк. Поэтика родной земли, звучащая в каждом произведении, кажется, дана Квашнину от рождения, усилена за время работы охотоведом, произрастает из народной традиции отождествления природы с внутренним эмоциональным состоянием человека.

Сопоставление мира природы и мира человека в творчестве автора восходит к параллелизму народных песен, отображается через тесное переплетение жизненного опыта, любви к своей земле, чувства корней своего народа, его многовековых традиций. В произведениях Владимира Квашнина нет неточных интонаций: описания природы, по-есенински красочные и по-рубцовски певучие, сменяются философскими размышлениями о недолгом веке человека и его предназначении, соседствуют с дидактическими выводами в лучших традициях Толстого и Ушинского, перемежаются болезненными риторическими вопросами, и в такие моменты эмоциональный накал произведений восходит к высокой патетике. Однако разговор на вечные темы не выглядит пафосным, «сверху вниз», не вступает в острую полемику с основным, по-человечески простым и понятным всем мотивом повествования.

В произведении «Богом поцелованный» автор использует речь сказителя, тем самым превращаясь и в мудрого хранителя простых охотничьих историй, и в летописца истории родной земли, донося-

щего свою истину через народную речь: красивую, плавную, музыкальную. Недаром рассказ Квашнин называет сказом, точно попадая в жанровую и содержательную составляющую повествования. Жанр выбран не случайно, в нём сочетаются былинная простота восприятия, душевность и близость к земле, к главному герою. Оживают предметы: избушка общается с охотником, которого она не видела целый год, как мать с сыном. «... а она – поскрипывает, потрескивает, вздыхает, словно жалуется, да слёзы по стеклу оконному в три ручья льёт, вот как оба-то за год пососкучилились...». Горькие раздумья Романа о тайге, о егерской службе, о произволе горе-охотников, вооруженных до зубов, – это раздумья самого автора, болеющего душой за родную землю. Читатель ощущает единение и героев произведения, и автора не только с природой, но и с Богом, с высшими силами: образ Ангела-хранителя, сидящего на плече у охотника, сложенными крыльями делающего отметины у следов охотника, – в сказе воспринимается гармоничным и естественным описанием, является отображением внутреннего мира главного героя.

Герой рассказов Владимира Квашнина, лирический герой стихотворений на любую беду реагирует болью и желанием исправить ситуацию: будь то произвол корыстных охотников, истребляющих животных ради безумного азарта, жестокость браконьеров, не знающих и не понимающих законов тайги, а живущих по законам каменных джунглей, или разорения стад оленей, совершаемые стаями волков.

Взаимодействие с природой героев не механическое, оно проходит через внутреннее переживание, через сердечную боль, если речь идёт об утра-

тах, через радость и умиротворение, когда в мире царят покой и гармония.

Человек в рассказах Владимира Квашнина – смелый, отважный, решительный, и в то же время – обладающий симпатией ко всему живому. Он не Царь природы («у маленькой, тонюсенькой былинки За всех царей прощения прошу»), не потребитель, не гость в мире – он часть этой планеты, её активный участник истории мироздания. Поэтому, наверное, животные, с которыми бок о бок живут люди, даже страшные и свирепые враги, какими являются волки, – это достойные противники, к которым люди испытывают жалость, симпатию и уважение. Так, в рассказе «Калёные ветра» опытные охотники, спасающие оленей от стаи голодных волков, восхищаются их умом, волей к жизни, нестигаемостью, чувствуют тоску одинокой волчицы, у которой они забрали всю стаю.

Созвучна эта печаль с горечью старика-ханты, лишившегося родной земли, а с ней – детей и будущего, когда родные уголья стали местом нефтедобычи. Страшно выглядит сам процесс освоения недр: «А в километре от чума, присосавшись к земле, словно клопы на теле тундры, нефтяные

качалки каплю за каплей высасывали кровь Югорской земли».

Проза Владимира Квашнина глубоко лирична, а поэзия содержательна: каждое стихотворение – это новелла, рассказ о каком-то маленьком событии и обо всём мире сразу. Творчеству Владимира Александровича присуща метафоричность, и это не писательский приём, а естественная жизнь и чувства, способ мышления автора. «Зорька мокрые туманы поразвесила сушить», «...оранжевый диск заходящего солнца, зацепившись за каменный коготь Манараги, уже стыло высинил восточные склоны гор», «вышивает заря красной нитью по шёлку тумана», – образы расцветают от стихотворения к сказу, от сказа – к стихотворной истории.

Знакомство с произведениями Владимира Квашнина – это открытие для себя заново родной земли, прекрасной в своей простоте и скромности, и каждый читатель видит в финальных строках стихотворения «Родина» себя:

И смотрю на небесный родник,
И молчу... и от радости плачу.